

ПЛАТОН БЕСЕДИН

РУССКИЙ АКРОПОЛЬ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ХОЛМ СЕВАСТОПОЛЯ

В советские годы Севастополь по количеству музеев входил в первую десятку городов страны. Более того, многие из них имели – да и имеют – колоссальный статус не только для России, но и для всего мира. Будь то Панорама “Оборона Севастополя”, музей Черноморского флота или Херсонес Таврический. В них не только находятся поистине уникальные экспонаты, но и сама роль этих мест – ключевая и в русской, и в мировой истории.

Однако есть в Севастополе и места, сами по себе являющиеся музеями под открытым небом – точки сборки судьбоносных событий, смыслов, решений. Таков Центральный городской холм. Он не так знаменит, как, например, Херсонес, однако значение, – прежде всего, цивилизационное – имеет не меньшее. Особенно в контексте последних событий.

Я, конечно же, говорю, о Крымской весне, когда России вновь была возвращена энергетика больших целей, и самые светлые, чистые эмоции и помыслы наполнили души миллионов россиян. Именно тогда был дан ответ на главный вопрос 90-х – вопрос, сформулированный Алексеем Балабановым в фильме “Брат-2”: “А где твоя Родина, сынок?” И миллионы людей ответили: “Здесь наша Родина!”

Центром этого события стал Севастополь – цивилизационный центр России, в то же время сам являющийся городом-цивилизацией, подобно тому, как в древние времена были города-государства. Таковым являлся Херсонес Таврический, ставший краеугольным камнем для будущего Севастополя.

Данная преемственность, прежде всего, связана с именем Святого князя Владимира. Известно, что, согласно преданию, крестился он в Херсонесе, после чего Православие пошло на Русь. В честь данного события был возведён собор.

Изначально строить его хотели в Херсонесе. Однако адмирал и градоначальник Михаил Петрович Лазарев принял решение возводить Владимирский собор на Центральном холме Севастополя. Он посчитал, что там храм будет более посещаем. Место для Владимирского собора Лазарев указал сам и обратился к Николаю I. Тот поручил составить проект храма придворному архитектору Константину Андреевичу Тону. В то время он находился на вершине славы, в частности, именно по его проектам строились Храм Христа Спасителя и Большой Кремлёвский дворец. Тон хотел возводить пятикупольный храм в русско-византийском стиле.

Однако вмешалась война, умер прежний император, и собор проектировал уже Алексей Александрович Авдеев, живший тогда в Севастополе. Он разработал новый проект на основе подлинной византийской церковной архитектуры. Надо сказать, что Авдеев создавал и ещё один уникальный севастопольский храм — пирамидальный Свято-Никольский собор на Братском кладбище.

Снаружи Владимирский собор, выполненный из местного светлого известняка, с тёмными лабрадоритовыми колоннами и мраморными резными капителями, кажется весьма компактным, но на самом деле он весьма могуч — 33 метра в высоту. А впечатление компактности достигается за счёт специальной архитектуры. Сделано это для того, чтобы мощь собора не довлекла над человеком, а, наоборот, приближала его к Богу.

Полностью строительство Владимирского собора было закончено уже после смерти адмирала — в 1888 году.

К слову, удивителен резонанс, вызванный в Севастополе уходом из жизни Михаила Петровича Лазарева. Прощание с адмиралом стало поистине всенародным. От Графской пристани до Петропавловского собора — он также находится на Центральном холме — стояли войска, гроб сопровождали военные и священнослужители. Его оставили открытым, и весь день севастопольцы приходили прощаться с любимым адмиралом. После же они несли на руках гроб с телом Лазарева.

Любопытен и ещё один факт, свидетельствующий об искренней любви севастопольцев к градоначальнику. Когда был учреждён сбор средств на памятник Михаилу Петровичу, то за несколько минут собрали 7000 рублей, колоссальную по тем временам сумму. А люди были готовы жертвовать больше. Возможна ли такая народная любовь к градоначальникам сегодня? Для этого тем самым надо жить для народа. Как жил Михаил Петрович Лазарев.

Меж тем, оригинальный памятник ему не сохранился. Есть лишь небольшой бюст на одноимённой площади.

Первоначально же бронзовый памятник установили перед Лазаревскими казармами (сейчас там находится севастопольский филиал МГУ) в 1867 году. О нём Николай Яковлевич Данилевский, иллюстрируя страсть русских к европейничанью, писал: “Колоссальная фигура, сажени три вышиной, на огромном пьедестале, стоящая среди развалин, на высоком и крутом берегу залива, производит издали поразительный эффект. Но как только становится возможным рассмотреть подробности фигуры — её мундирный фрак с фалдочками, панталоны в обтяжку, коротенькие ножны морского кортика, — надо привести себе на память все труды, понесённые знаменитым адмиралом при устройстве Черноморского флота, и сопоставить их с печальной участью, постигнутой его созданием всего 4 года после его смерти, чтобы подавить более серьёзными и грустными мыслями невольную прорывающуюся улыбку”.

Оригинальный бронзовый памятник коммунисты ликвидировали в 1928 году. Официальная причина — не имеет исторической значимости. Удивительное, конечно, лицемерие.

Упокоен же Михаил Петрович Лазарев во Владимирском соборе. В том числе и потому неслучайно моё именование севастопольского холма Русским акрополем. Владимирский собор — усыпальница великих адмиралов, отцов-основателей города. Здесь, помимо Лазарева, захоронен прах Владимира Ивановича Истомина, Павла Степановича Нахимова, Владимира Алексеевича Корнилова — всего 13 адмиралов. Об их упокоении свидетельствуют диоритовые плиты на фасадах собора.

Для того чтобы попасть в усыпальницу, необходимо оказаться в нижнем храме. В вечернее время в нём проводят службы, а в дневное — это музей. В центре находится огромный чёрный крест, выложенный из могильных плит с именами адмиралов.

К сожалению, усыпальница не единожды подвергалась разграблению и осквернению. И если во время Крымской войны здесь лютовали французы, то в советское время бесчинствовали уже свои. В 1931 году Владимирский собор передали Осавиахиму. Склеп вскрыли, останки адмиралов как “приспешников низвергнутой династии” уничтожили. В 1932 году собор закрыли и разместили в нём авиационные мастерские и склад политуправления Черноморского флота, а вместо литургий стали проводить опыты.

Перед Владимирским собором сохраняется и ещё одно наследие большевиков – это гигантский памятник Ленину, один из самых больших в мире. Как говорят служители храма, отлит этот памятник из колоколов Владимирского собора. Ленина окружают солдат, матрос, крестьянин, рабочий – время сделало их купоросно-зелёными, словно Джон Ди и Бартлет Грин из романа Гюстава Майринка упражнялись в своих алхимических опытах.

Во многом аналогичная судьба постигла и другой собор Центрального холма – Петропавловский. Изначально возведённый в 1792 году храм был деревянным. Не лучший вариант для города, где обстрелы и бомбардировки случаются чуть реже, нежели проливные дожди. Потому уже вскоре собор разрушили, а возвели – по инициативе всё того же адмирала Лазарева – заново уже из камня.

Он имеет не только значимое сакральное, но и эстетическое значение. Сам я впервые увидел его лишь на 20-м году жизни. И впечатление моё было таким, словно я, как Индиана Джонс, обнаружил Храм судьбы.

Петропавловский собор имеет необычный для православных храмов вид, и первое, что поражает в нём, – это колонны дорийского ордера с античными каннелюрами, расположенные по всему периметру. Они создают и величественную монументальность, и особую игру света. При этом есть мнение, что Петропавловский собор создавался как копия древнегреческого храма Парфенона. Однако более тщательный анализ показывает, что собор – оригинальное произведение, только наследующее греческие черты. Сейчас этот действующий храм – один из самых необычных в Крыму.

В своё время его великолепие дополняли фигуры апостолов Петра и Павла работы итальянца Фердинандо Пелличио в нишах у входа. Однако во время Крымской войны – распространённый случай – фигуры были вывезены во Францию. В советское же время здесь находился городской архив, затем театр и Дом культуры.

Если Петропавловский собор стал центром духовности Севастополя, то центром просвещения была Морская библиотека, завершённая в 1837 году. Средства на неё собирали всем городом. Морские офицеры отчисляли с каждого своего жалования по копейке с рубля, так что просвещение стало делом коллективным. Офицеры были тогда не только военной, но и интеллектуальной элитой – люди высочайших морально-духовных принципов.

К сожалению, уже через восемь месяцев после открытия Морская библиотека сгорела. Новая библиотечная штаб-квартира – изящное трёхэтажное здание, возвышающееся над морем, – строилась уже на казённые деньги при поддержке Николая I. Однако и она не пережила Крымской войны. Французы разграбили её – вывезли мраморные колонны и мраморных львов. Сейчас они украшают вход в парижский сад Тюильри.

Вообще во время Крымской войны и англичане, и французы отличались отнюдь не европейскими – в классическом понимании – нравами. Они разграбляли монастыри (исключением стал лишь Свято-Георгиевский на мысе Фиолент) и увозили трофеи (Херсонесский колокол долгое время украшал одну из башен Нотр-Дам де Пари), подходя к материальным ценностям весьма практично. Например, железная дорога с паровой тягой, построенная англичанами из Балаклавы к горе Гасфорта, где стояли их союзники итальянцы, после войны была разобрана на части и увезена в Англию.

От Морской же библиотеки осталась лишь Башня ветров. Как и Петропавловский собор, она напоминает копию греческого сооружения – одноимённую башню в Афинах. Однако всё же является самостоятельным архитектурным сооружением. Её восьмигранную верхушку украшают барельефные изображения ветров, устремлённых, как и весь Севастополь, к высшей цели.

Находится это архитектурное чудо прямо в живописном дворике трёхэтажного поэтического дома, рождающего аллюзии на приморские города Грина и Куприна. Попасть сюда можно по старой брусчатке, бегущей в тени каштанов по левую сторону от Владимирского собора.

Площадь перед ним очень живописна, это одно из моих любимых мест в Севастополе. Особенно я люблю гигантский разлапистый ливанский кедр, стоящий прямо напротив собора. Это больше, нежели просто могучее дерево: кедр – один из символов возрождённого Севастополя. Его чешуйчатые ветви напоминают лапы древнего дракона. Под ними хорошо, остановив мгновенье,

сидеть в дневной зной, созерцая и размышляя, а вечером составить компанию поющим под гитару, чувствуя крылатый ветер, летящий из Артиллерийской бухты.

Её, кстати, чаще всего называют сокращённо – Артбухта, – и многие думают, что речь идёт о чём-то творческом (art). Так называют и альманахи, и фестивали, но на самом деле название данного места имеет военное происхождение – изначально здесь находились артиллерийские склады. Впрочем, бухта столь живописна, что ей в полной мере подходит и сокращённая творческая приставка “art”, а жизнь духовная, творческая в Севастополе часто сопряжена с военной.

Кедры же, символизирующие несокрушимость, твердыню, высажены после Великой Отечественной войны в знаковых местах города. Например, в центре площадей, названных в честь адмиралов – Нахимова, Ушакова, Лазарева и военачальника Суворова. Эти площади составляют золотое кольцо города, опоясывающее Центральный холм. Соединённые улицами Ленина и Большая Морская, они составляют уникальный городской ансамбль, пожалуй, лучше всего иллюстрирующий словосочетание “музыка в камне”. И когда мы говорим “крымский стиль”, то подразумеваем именно Севастополь, дающий начало этому течению в архитектуре.

Разрушенный во время Первой и Второй героической обороны, город восстанавливался с особым трепетом и любовью. Он задумывался как несокрушимый символ, непокорённый град, засечный камень России, застывший в своём сахарно-рафинадном великолепии у Чёрного моря. И, вполне возможно, не назови Екатерина II город-герой Севастополем, что означает “город, достойный поклонения”, то быть бы другому названию – Феникс.

Марк Твен, побывавший здесь после Крымской войны, писал, что даже Помпеи сохранились лучше. “Всюду развалины, только развалины, – ужасался писатель. – Ни один город в мире не был так сильно разрушен”. При этом восхищался Марк Твен не только героизмом, но и радушием севастопольцев, отмечая, что нигде никогда его больше так добродушно не принимали. Война не озлобила наших людей – наоборот. Они смогли не только переосмыслить её уроки, но и создать один из красивейших городов мира, восстановив его из руин.

Однако, отстроенный после Крымской войны, он был разрушен вновь – уже во время Великой Отечественной. Именно из Штаба Черноморского флота, находящегося на Центральном холме, в 3:15 ночи поступило первое сообщение о нападении на СССР – немцы и румыны бомбили Севастополь.

Словно отдавая долг, именно немцы и румыны после капитуляции восстанавливали Центральный холм. Они возводили дома в стиле неоклассицизма и неоготики, в итоге создав уютнейший уголок – с двориками, заросшими плющом и петунией, с точёными балясинами и бесконечными лестницами, возносящими нас всё в новые и новые живописнейшие места.

Именно Центральный холм, даже в это застроечно-реновационное время, сохраняет атмосферу, за которую многие и любят город – атмосферу советской утопии, ту, которую мы видели в добрых отечественных фильмах. Непокоренный Зурбаган, белый город гриновской мечты.

Здесь – единственный в Севастополе, а может, и во всём Крыму – сохранился даже классический гастроном, фасад которого украшает лепнина “1953”, запечатлевшая год его постройки. Зайти сюда особенно хорошо в душные, жаркие дни, которые неизменно наваливаются на Севастополь в июле-августе. Выпить лимонада или пива из пузатых кружек, лично убедившись в кинематографической истине: “Жить – хорошо! А хорошо жить – ещё лучше!”

Правда, сейчас на Центральном холме всё более обосновывается мир современный. Тихие улочки заставлены машинами, а кое-где, несмотря на протесты общественников, точно циклопы на фоне карликов, прорастают многоэтажные новостройки, вносящие диссонанс в этот чудесный обособленный мир.

Знаково, что сейчас на Городском холме, обволакиваемом душистым запахом ленкоранских акаций и усталым пахучим ковром шелковицы, заброшенным остаётся лишь одно здание – бывший дом гестапо. Он, конечно, использовался в советское время, но в украинские годы пришёл в совершеннейшее запустение. Сейчас его стены очерняют жуткие граффити и загадочные надписи. Здесь любят встречаться не только люди без определённого

места жительства, но и адепты тёмной силы – такая своеобразная “точка сборки” нечисти и маргиналов.

Возрождение – то понятие, тот посыл, который запечатлел в себе Центральный холм. Изначально он назывался Хребтом беззакония. Здесь, словно таджики на съёмной московской квартире, ютились лачуги, кабаки и хибары. Злачные места, дома терпимости, трущобы – вот чем он был. Шёл 1833 год.

Но всё изменилось, когда адмирал Михаил Петрович Лазарев решил подарить холму и всему Севастополю новую жизнь, принести на Хребет беззакония порядок. По его указанию и по проекту инженера Уптона, англичанина на русской службе, холм начал преобразовываться. Возможно, адмирал Лазарев предвидел, что меняет не только судьбу города, но и всего Отечества. Очень скоро Хребет беззакония переродится в Холм нового миропорядка.

Произошло тотальное обновление не только города, но и сознания: ветхий мир пал, и на смену ему пришёл мир новый. Он соединил в себе русское и европейское, греческое и византийское – точно великолепный ковёр, сотканный из разных, но гармонично сочетающихся друг с другом лоскутков. И я говорю сейчас не только об архитектурном ансамбле, но и о цивилизационной идее тоже. Здесь, прежде всего, слились воедино важнейшие смыслы, посылы, идеи, и через весь город, точно стянутый к Центральному холму, прошло и греческое Православие, и византийская государственность, и славянская энергия.

Во многом потому в этой “точке сборки” смысловых и силовых линий в разные времена совершался истинный подвиг, сама сущность которого неразрывно спаяна с Севастополем и севастопольцами.

В последнее время нас всё чаще пытаются уверить, будто подвиг, совершённый нашей страной, нашими людьми, опороchen, а героические поступки были случайностями, стечением обстоятельств. Но это не так. У каждого подвига есть своя история. Он есть древо, которое может взойти лишь на благодатной почве. И Севастополь иллюстрирует это в полной мере.

На Центральном холме, на его Матросском бульваре, о котором первым написал Лев Николаевич Толстой, находится самый первый севастопольский памятник, и посвящён он именно подвигу. Это памятник брига “Меркурий” и лейтенанту Казарскому.

Он выполнен в эллинистическом стиле из инкерманского камня. На прямоугольном, слегка зауженном пьедестале возвышается отлитое из металла античное судно – триера. Верхнюю часть пьедестала украшают бронзовые жезлы бога Меркурия, а на его сторонах в аллегорической форме переданы героические события: бог морей Нептун, покровитель мореплавания и торговли Меркурий, крылатая богиня победы Ника, и на западной стороне – барельефный портрет самого Александра Ивановича Казарского. Вся эта эллинистическая тематика заставляет вспомнить такое понятие как “архэ”. В древнегреческой философии – это первооснова, первоэлемент, из которого состоит мир. Так вот в Севастополе архэ – мужество, рождающее подвиг.

Тут стоит напомнить славную историю “Меркурия”. Этот 18-пушечный военный бриг заложен и спущен на воду в 1820 году в Севастополе. В мае же 1829 года, во время Русско-турецкой войны, “Меркурий” под командованием лейтенанта Казарского встретился с двумя самыми крупными и быстроходными турецкими кораблями – 110-пушечным “Селимие” и 74-пушечным “Реал-беем”. Маленький бриг против двух лучших линкоров, 18 против 184 пушек!

Однако в морском сражении бриг не только героически выстоял, но и нанёс критические повреждения двум турецким линкорам, одержав невероятную, непредсказуемую победу, эпичнее даже той, где Давид сразил Голиафа.

Логически объяснить совершённое бригам “Меркурий” невозможно. Но это не было случайностью или вывертом сознания. Перед тем, как команда брига осознанно решилась на битву с линкорами, Казарский организовал совет, на котором и офицерский состав, и матросы выступили за то, чтобы вступать в поединок. Бриг “Меркурий” бросил вызов не просто двум турецким кораблям, но самому року, безнадёжности, обречённости. Один против всех в сверхнеравном поединке!

И вся наша русская летопись – и севастопольская в частности – демонстрирует: своей волей, мужеством, верой человек способен побеждать фатум, менять ход истории, совершая невозможное. И неслучайно на памятнике Казарскому значатся именно эти слова: “Потомству в пример”.

Бриг победил, вернулся в родную гавань. Через два столетия этот невероятный подвиг повторит весь Севастополь. Будущие потомства исполнят завет, повторяют благодаря преемственности подвига, запечатлённой и в страницах истории, и в зданиях, и, конечно, в людях — в самом их духе.

Возможно, эти слова — “Потомству в пример” — вспоминал и адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, вышедший из дома на улице Суворова, 19 на своё последнее сражение.

Поразительно, столько обстрелов, столько бомбардировок терзали и разрушали Севастополь, но этот дом — последняя квартира адмирала Корнилова — пережил трагедии и сохранился. Он построен ещё до Крымской войны, в первой половине XIX столетия — в стиле ампир, из инкерманского камня; особо примечателен его главный вход, оформленный портиком из дорических пилястр с треугольным фронтоном. Любопытно ещё и то, что дом этот принадлежал отставному поручику, а затем купцу Даниилу Волохову, являвшемуся родственником ещё одного великого адмирала — Павла Степановича Нахимова. Это одна из старейших жилых построек города. Там до сих пор живут люди (кстати, очень приветливые), и на второй этаж ведёт лестница с остатками мрамора, по которой и вышел на своё последнее сражение адмирал Корнилов.

Погиб же он на Малаховом кургане, и о боях, происходивших там, очень ёмко, точно и вместе с тем поэтично написал Константин Симонов:

*Уж сотый день врезаются гранаты
В Малахов окровавленный курган,
И рыжие британские солдаты
Идут на штурм под хриплый барабан.*

Именно на Малаховом кургане, умирая, адмирал Корнилов произнёс легендарные слова: “Так отстаивайте же Севастополь!” Их знает каждый севастополец. Они больше, нежели просто завет или наставление — нет, это и образ мысли, и образ действия севастопольцев. Помня этот завет Корнилова, держали оборону герои Великой Отечественной Войны, а позднее, уже в веке XXI он стал девизом Крымской Весны, наукой, питающей севастопольских юношей.

Тут, конечно, вспоминается и легендарный пушкинский завет “береги честь смолоду”, и, несомненно, крапивинские мальчики. А ведь школа, которую описывал в своих произведениях Владислав Петрович Крапивин, находится именно на Центральном холме — школа №3, старейшая в Севастополе. В 2015 году ей присвоено имя Александра Невского (почему не Крапивина?). Изначально же она была Константиновским реальным училищем. Одна из её стен до сих пор хранит благородную старину; выстроенная из крымбальского камня, она особенно живописна на фоне лип и акаций. Здесь, по тенистой аллейке, хорошо пройтись, предаваясь юношески-романтическим мечтам, подобным тем, которыми грезил крапивинские мальчики. Им Владислав Петрович дал своё наставление:

*В погребках спрессован старый порох.
Пусть он никогда не пригодится...
Мальчики, храните белый город.
Помните, что вы его частица...*

Позднее Крапивин, будучи человеком аполитичным, тем не менее, весьма однозначно отреагировал на воссоединение Крыма с Россией. Он ёмко подвёл итог возвращения Севастополя, потерянного за 24 часа и шедшего домой 23 года: “История показала, что севастопольские мальчики разных поколений не разучились хранить свой Город”.

Пожалуй, и не могло быть иначе. Ведь произошедшее выходило далеко за политический контекст. Подобно тому, как Хребет беззакония волею адмирала Лазарева был превращён в прекраснейший Центральный холм, так и сам город переродился, сбросил наносное, лишнее, обременяющее, в очередной раз возвеличившись над фатумом. А вместе с Севастополем переродилась и вся Россия.

Я далёк от того, чтобы давать негативные оценки украинскому периоду в истории города – жили по-разному (чаще с радостью), но очевидно: то, что искусственно прививалось Севастополю на глубинном уровне, было для него инородным, чужим. Оно и в самой Украине зачастую воспринималось неоднозначно, настороженно, но в Севастополе, где после краха советской системы воцарилось лихолетье 90-х, подобное воспринималось как аномалия.

Расшатывались сами цивилизационные первоосновы, и в войне уже нового поколения севастопольцы отстаивали храмы, боролись за родной язык. Уверен, подари нам право быть собой, дай нам внятные символы, а не суррогат квазисвободы, многое бы разрешилось без зла и обиды, встало бы на свои места, но мусорный ветер с лихвой нанёс чуждого, вредного. Нанёс не только в Севастополь и на Украину, но и в саму Россию, – то, что нужно вымести за порог метлой истории, и если что реально и может тому способствовать, то лишь севастопольское чудо, произошедшее, на самом деле, даже не в марте 2014 года, а ставшее долгим поступательным процессом, вызревшим из самой истории города.

А где же та “точка сборки”, благодаря которой возвращение домой стало для Севастополя относительно безболезненным и в то же время решительным, несомненным? Ответ запечатлён возле Петропавловского собора, где установлен памятник Кириллу и Мефодию. Напомню, что они, прибыв в Севастополь в поисках мощей Святого Климента, сосланного римлянами в каменоломни Инкермана, обрели не только сами мощи, но и Евангелие на славянском языке (по одной из версий, переведённое самим Климентом), позднее преодолев ересь трёхязычия. Так вот, происходящее вокруг русского языка в Севастополе также напоминало преодоление ереси. И роковой ошибкой многих сторон было спекулировать на данной теме.

Но вместе с тем – и это куда важнее – русский язык в Севастополе (возможно, даже более, чем где-либо в России) стал и оберегом, и связью, и нитью памяти. Русский язык стал кодом, формировавшим сознание. Мандельштам, размышляя о природе слова в России, писал: “Каждое слово словаря Дая есть орешек Акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащённая эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории”. И Севастополь выстоял против угроз, создав свой акрополь – ментальный и материальный.

На Центральном холме здания и памятники стали охранными кодами, символами, стали запечатлёнными словами русского логоса, первоначалием каждого русского человека. И не случайно Константин Паустовский, часто бывавший в первой гимназии, – она находится напротив Владимирского собора – называл этот белокаменный макрокосм Акрополем Таврическим. Теперь же правильнее сказать – Русский акрополь.

Новый миропорядок рождался здесь снова и снова на протяжении многих веков. И всякий раз в Севастополе, прежде всего, отстаивали правду, нашу единственно желанную, без которой не может душа русского человека. Севастополь есть город запечатлённой правды, и она невозможна без подвига, а значит, и без жертвы.

Севастополь называют городом лестниц: их тут, действительно, очень много, но и каждый фрагмент города есть ступень на русской лестнице, по которой наше Отечество, несмотря на все трудности, поднималось, поднимается и должно подниматься к своей высшей цели. Столь важно не потерять, не упустить данных посылов, относясь к ним с трепетом и бережливостью. Особенно сейчас, когда город-герой вернулся домой, встав как важнейшая деталь в цельную конструкцию.

Потому Севастополь сегодня – это и шанс, и возможность. Севастополь – это ответ мракобесию, что смущало, оплёвывало и терзало Россию все эти годы. И в то же время Севастополь – ответ на вопросы: “Кто ты на самом деле? Готов ли ты идти дальше за Русской мечтой? Готов ли соответствовать нашей великой истории?”

Ответы находятся здесь – на Центральном холме Севастополя, в историческом сердце России.

г. Севастополь